

МИХАИЛ ВИЗЕЛЬ

СОЗДАТЕЛЬ

Жизнь и приключения

Антон Носика,

отца Рунета, трикстера,

блогера и первопроходца,

с описанием трёх эпох

Интернета в России

ИСТОРИЯ РУССКОГО ИНТЕРНЕТА / ИСТОРИЯ РУССКИХ МЕДИА
GAZETA.RU / СВЯТЫЕ ДЕВЯНОСТЫЕ / RAMBLER / LENTA.RU
ЖИВОЙ ЖУРНАЛ / ИЗРАИЛЬ / ВЕНЕЦИЯ / ПОМОГИ.ОРГ

Независимый текст

Михаил Визель

**Создатель. Жизнь и приключения
Антонa Носика, отца
Рунета, трикстера, блогера и
первопроходца, с описанием
трёх эпох Интернета в России**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Визель М. Я.

Создатель. Жизнь и приключения Антона Носика, отца Рунета, трикстера, блогера и первопроходца, с описанием трёх эпох Интернета в России / М. Я. Визель — «Издательство АСТ», 2023 — (Независимый текст)

ISBN 978-5-17-132827-6

Михаил Визель — переводчик с итальянского и английского, журналист, шеф-редактор портала «Год литературы». Первая студия веб-дизайна, первое регулярное веб-обозрение, первая профессиональная интернет-газета, первое новостное агентство, первый блог, первый благотворительный интернет-фонд... Антон Носик всё время создавал что-то новое. Вся его повседневная деятельность была — по Маяковскому — «ездой в незнаемое», он всё время проверял: а так — можно? а что будет, если так?.. И эта книга — не только биография Героя своего времени, в ней отражено само Время: невиданная свобода девяностых, зарождение и развитие Рунета, становление новых медиа в нулевых, феномен блогосферы... Множество собранных свидетельств очевидцев и непосредственных акторов создают выпуклый и детальный портрет не одного человека — но целой эпохи. Внимание! Содержит ненормативную лексику! В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-132827-6

© Визель М. Я., 2023

© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Пролог	8
А.Б.Носик и (анти)советский андеграунд	10
А.Б.Носик и художественное творчество	22
А.Б.Носик и еврейская эмиграция	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Михаил Визель

Создатель. Жизнь и приключения Антон Носика, отца Рунета, трикстера, блогера и первопроходца, с описанием трёх эпох Интернета в России

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

© Визель М.Я.

© ООО «Издательство АСТ»

Антон Борисович, здравствуйте. Я хочу написать книжку про вас. Как нам можно встретиться для предварительных набросков. Прошу не игнорируйте, гонорар я уже потратила на поездку в Индию, так что напишу в любом случае, но как честный писатель хочу чтобы материал полностью соответствовал правде. Заранее спасибо. Ирина А.

Мой телефон и адрес почты можно найти через Гугл. Если Вы не умеете пользоваться Гуглом, то советую научиться. Может быть, окажется, что можно написать материал, полностью соответствующий правде, без моего участия.

Ответ Носика на онлайн-конференции

по случаю запуска «BFM.ru», 18.11.2008

— А ты не думаешь, что сын когда-нибудь прочитает твои скандалы в Интернете и скажет: «Боже, какую чушь мой папа писал!» Или обидится, что ты его фотографии выкладываешь постоянно...

— Честно говоря, я не очень себе представляю, как будет обстоять дело с архивацией Интернета через 10 лет. Поисковики постоянно перекраивают алгоритмы выдачи, отодвигая от пользователя старый контент и подсовывая сегодняшний. Поэтому я думаю, что для нахождения текстов про меня из девяностых или нулевых Лёве придётся очень постараться.

Ответ Носика Алексею Андрееву

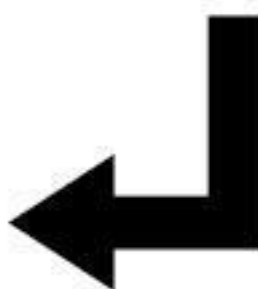
в интервью для портала «Letidor», 21.05.2013

Как странно выглядит жизнь, когда она вдруг закончилась, но в любой момент отчасти продолжается в телефоне. <...> смерть упрямо присоединяет к прошлому наше настоящее, хотя, казалось бы, это так очевидно: у кого есть

соцсети, кто каждую минуту фотографируется и листает ленту – те вечные, тех уж чур не трогать.

Дмитрий Ольшанский,

запись в фейсбуке от 17.10.2019

Пролог

Первая годовщина

Лунный еврейский календарь не совпадает с европейским. И первая годовщина смерти Антона Носика – 16 таммуза – прилась в 2018 году на 29 июня. Я стою на Востряковском кладбище и слушаю, как молодой раввин объясняет, что сегодня *йорцайт* – день, когда последний раз читается *каддиш*. Отныне четыре раза в год должен читаться только *изкор*. После чего начинает декламировать псалмы Давида, а затем и саму похоронную молитву.

Его торчащая вперёд рыжая борода сверкает на ярком солнце, чётко выделяясь под ортодоксальной чёрной шляпой на фоне свежей зелёной листвы. Я не знаю иврита и не понимаю ничего, кроме отдельных слов, – «Адонай», «Амнон бен Барух» и «оймен» (это последнее слово по просьбе раввина повторяют все мужчины, я в том числе), но понимаю, что говорит он на иврите, хоть и, как положено, нараспев, раскачиваясь, но с заметным русским выговором. Интересно, что по-русски он говорит тоже с сильным характерным акцентом. Странная всё-таки штука эта диффузия языков. Антон бы объяснил.

В узком проходе между могилами стеснились люди, мужчины и женщины, молодые и средних лет. Я точно знаю, что взрослых мужчин не меньше десяти, – *миньян*, без которого невозможно читать молитву. Собственно, я здесь для того, чтобы помочь обеспечить этот самый миньян, потому что иначе, конечно, не стал бы приходить сюда сейчас, когда собираются самые близкие. Они стоят вдоль ограды – когдатошние друзья Антона по молодым проказам, потом партнёры и контрагенты по головокружительным бизнесам, а теперь остепенившиеся и состоявшиеся мужчины. Пожалуй, только Демьян Кудрявцев, хотя тоже совсем уже не похож на того кудрявого юношу, которым был когда-то на иерусалимских улицах начала девяностых, по-прежнему резко выделяется на фоне благообразных седовласых друзей юности очевидной незаурядностью. Но я стараюсь не смотреть на него, не отводящего глаз от большой фотографии над могилой. Это понятно. Они были ближайшими друзьями на протяжении тридцати лет. Именно Демьян собрал для траурной церемонии в ЦДЛ поразивший меня трек-лист из любимых песен Антона, в котором гребенщикова «Моя смерть едет в чёрной машине...» и аукционовская «Дорога» чередовались с коэновской «Аллилуйей».

Траурная церемония длится около получаса. По её окончании все по очереди кладут на каменную плиту по камешку – еврейский ритуал, вместо цветов – и гуськом уходят. У меня нет камешка, я не знал раньше об этом обычае. Поэтому я просто жду, пока все разойдутся, тоже делаю несколько фотографий могилы и иду в соседний квадрат кладбища – на участок, где лежат мои бабушка и дядя.

А потом возвращаюсь домой – писать эту книгу.

Потому что обещал это самому Антону.

Это звучит подозрительно, но здесь нет никакой мистики в духе пушкинской графини-бабушки. Это лишь вопрос честности и хорошей памяти.

4 июля 2001 года я, в то время сотрудник «Lenta.Ru», хотел поздравить Носика по аське с днём рождения, и завис над клавиатурой, раздумывая, как бы сделать это пооригинальнее, чтобы моё скромное поздравление не затерялось в общем хоре. Наконец меня осенило. «Антон! – настукал я. – Я моложе тебя на четыре года. Когда-нибудь я напишу твою биографию».

Как мог отреагировать 35-летний парень, которого в то время просто распирало от энергии, идей, планов, на подобное «поздравление»? «Ну, – ответил он мне, – если это кому-то будет интересно, – пиши».

Я не могу воспроизвести наш диалог буквально, потому что аська, в отличие от современных мессенджеров, не хранит историю на едином сервере. Но я клянусь, что этот диалог действительно был, – и потом ещё я несколько раз Антону в шутку о нём напоминал. Поэтому 9 июля 2017 года, когда пришло шокирующее известие, первая моя мысль была та же, что и у всех: как же так, это невозможно и т. д. Но сразу стукнулась и вторая: вот этот момент и настал. Обещал – пиши.

И я написал.

В ходе работы книга разрослась до такой степени, что при подготовке к печати ее пришлось сильно сокращать. Потому что биография одного конкретного человека – противоречивого, невероятно яркого и много успевшего – вобрала и рельефно отразила изгибы и перепады того непростого времени, в которое ему довелось жить (и во многом – определить). Эпоха, когда Интернет был будоражающим феноменом, а не данностью, как телефон или автомобиль, стремительно удаляется в прошлое – и требует быть описанной.

Май 2021

P.S.

Последние полтора года изменили нашу жизнь едва ли не больше, чем предшествующие полтора десятилетия. Я не стал ничего менять – иначе менять пришлось бы слишком многое. Но не могу не упомянуть, что за это время усилиями Виктории Мочаловой и Елены Калло вышла блестяще подготовленная книга «Лытдыбр. Дневники, диалоги, проза», в которой собрана прямая речь моего героя.

Октябрь 2022

А.Б.Носик и (анти)советский андеграунд 1966–1987

Ничто не появляется – ниоткуда. И без краткого рассказа о родителях Антона Носика и среде, его сформировавшей, мы просто не поймём, «откуда что взялось».

Борис Носик (1931–2015) – писатель, драматург, переводчик, а главное – неугомонный странник, один из самых необычных русских *homme de plume*¹ своего поколения. Библиография, собранная на сайте borisnossik.net², включает в себя почти 50 оригинальных книг, три детские книги и пять больших переводческих работ, в том числе создавшие ему высочайшую репутацию в среде советской художественной элиты «Пнина» Набокова и «Незабвенную» Ивлиева. Большая часть его книг советского времени – биографический нон-фикшн и травелог: «Путешествие за дымковской игрушкой» (1966), «По Руси Ярославской» (1968) и т. д. А с 1982 года, «женившись во Францию», Борис Носик начинает на разные лады разрабатывать тему «Русские тайны Парижа». Его последняя – и первая посмертная – книга носит характерное название: «Был целый мир – и нет его... Русская летопись Лазурного Берега»³.

Редакционная аннотация к одной из поздних прижизненных книг Бориса Михайловича сообщает о нём следующее:

Первые полвека своей жизни писатель Борис Носик был москвичом, но в Москве бывал нечасто: без конца путешествовал по русскому Северу, по Кавказу и Валдаю или сидел в далёких таджикских кишлаках за перевалами. <...> стал парижанином, но и в Париже появляется изредка: сидит на крошечном хуторе в Шампани или на северной окраине Ниццы, где пишет книги о первой русской эмиграции.

Что значило это «в Москве бывал нечасто», Борис Носик объяснил сам в повести «Тайна Маклая», имеющей, кстати сказать, посвящение «Сыночку моему гениальному»:

Добрых три года слонялся я по Валдаю. Считалось, что я пишу книгу о Валдае, даже две книги. В общем, так оно и было. Но не это главное. Главным был неуёмный зуд странствия. Я ведь и до Валдая слонялся по России без удержу (на Запад меня не пускали почти до пятидесяти).

Родные думали, что я женюсь и остепенюсь. Так оно и было после женитьбы. Целый месяц. Потом я уехал на Верхнюю Волгу...

Откуда взялся этот неуёмный зуд? Эта очарованность – даже зачарованность, по Лескову, – музой дальних странствий? Ответ на этот вопрос выходит за пределы нашего рассмотрения. Поэтому ограничимся ещё одной цитатой из Бориса Носика, косвенно на него отвечающей:

Мой парижский друг-дантист часто спрашивал меня:

– Слушай, а вот в этом твоём Таджикистане... там можно идти целый день по горам и никого не встретить?

– Можно идти неделю...

Он недоверчиво качал головой <...> – в это он не верил...⁴

---

¹ Писатель; дословно – «человек пера» (*фр.*).

² Создан Антоном в 2010 году.

³ М.: Текст, 2016. Предисловие Антона Носика.

⁴ Носик Б.М. «Записки маленького человека эпохи больших свершений». М.: Текст, 2010.

В советских условиях шестидесятых это был способ не бороться с системой, а обратить её возможности себе на пользу: набирать внушительные писательские авансы и месяцами путешествовать по одной пятой части суши за копейки.

В 2013 году, отвечая на вопросы посвящённого родительству портала «Letidor» о сыне, на тот момент пятилетнем, Антон признал:

Мой папа возил меня с собой в путешествия с очень раннего возраста. В этом смысле моя привычка брать с собой повсюду Лёву рифмуется с моим собственным детством.⁵

Сам же Борис Носик на склоне лет подтрунивал над собой как над беспечным отцом, пренебрегающим своими обязанностями ради удовольствий литературно-интеллектуальных:

Мы стояли с Лёней на набережной над залитым солнцем коктебельским пляжем... Дочитав [стихотворение Г.Иванова], Лёня замолчал, и мы испытали ту же ностальгию, что пережил бедный Георгий Иванов на курортном берегу Средиземного моря.

А между тем близился час обеда, и мне надо было искать моего худенького Антошу, а Лёне – его лохматую, рыжеволосую Юлечку. В общем, нам надо было спешить за детьми, но мы с Лёней никуда не шли, стояли, читали стихи и рассуждали о загадочных «женщинах Серебряного века», которых мы сроду не видели...⁶

Но, по воспоминаниям упомянутого поэта Леонида Латынина, Борис не просто был беспечным отцом; он учил маленького Антона (и заодно его сверстницу – Юлию Латынину) «активной жизненной позиции», причём в каком-то суфийском, дервишском обличье:

Помню урок, который Борис Михайлович преподавал в Коктебеле на Кара-Даге моей дочери Юлии и своему сыну Антону.

Мы остановились в горах возле источника. Рядом, среди стеклянной, оставленной кем-то до нас посуды, валялось битое стекло. Антон и Юля, пребывая в состоянии всплеска избыточной энергии, собрались продолжить сюжет разрушения. Борис задержал поднятую руку Антона и сказал: «Вот из этой точки есть два продолжения, одно – увеличить количество возможностей пораниться самим и идущим за вами, и второе – убрать разбитое стекло, с той же мерой энергии. У вас есть выбор». Через полчаса мы с Борей зарыли груды стекла, собранную новообращёнными в «благодетель», надеюсь, не только на этот час.⁷

* * *

Что же до мамы Антона, Виктории Мочаловой, – то Википедия и возвращённое Викторией Валентиновной на специальном сайте фамильное древо⁸ избавляют от неловкой необходимости подробно писать в третьем лице о живом и активном человеке.

На момент рождения Антона ей исполнился лишь 21 год, так что вся её успешная филологическая карьера развивалась на фоне маленького ребёнка, а детство Антона, соответ-

---

⁵ https://web.archive.org/web/20130609080946/http://letidor.ru/article/anton_nosik_38865. Здесь и далее ссылки на всеобъемлющую «Машину времени» (web.archive.org) означают, что на самом сайте цитируемый текст более недоступен.

⁶ Носик Б.М. «Тот век серебряный, те женщины стальные...». М.: Текст, 2013.

⁷ Латынин Л.А. Борис Носик. Сорок лет одиночества // Лехаим. 05.03.2015. <http://old.lechaim.ru/3986>.

⁸ <https://www.myheritage.com/site-family-tree-20466151/kersteinmargolin>.

ственно, проходило (при пропадающем в странствиях отце) на фоне лекций, зачётов, кандми-нимумов и общения с выдающимися учёными и молодыми художниками.

ФБОН.⁹ Наша академическая [библиотека]. <...> Это был оазис для «бывших». <...> Мы делали реферативный журнал, то есть всю поступающую иностранную литературу на разных языках мы должны были описывать и аннотировать. <...> Эрнестина Борисовна, дама из «бывших». Если ей в шестьдесят восьмом году было девяносто шесть лет... Я не могу даже посчитать, когда она родилась.¹⁰ Она говорила так: «Господа... Я хотела пойти пообедать. Зашла в кафетерий, но там был гегемон в грязных робах...»

И ещё, уже про Институт славяноведения и балканистики, в котором, поступив через год после ФБОН в аспирантуру, работает всю жизнь:

У нас, конечно, была и всякая тайного рода научная жизнь. Это были квартирные семинары – у математиков свои, у физиков свои, у литературоведов свои. Наш литературоведческий семинар вёл Миша Шейнкер, и, совершенно твёрдо сказал, что мы не будем рассматривать произведения, которые опубликованы. Только самиздат – были же журналы, существовала подпольная литература, огромный пласт. Я говорю Шейнкеру: «Миша, ну, например, Окуджава – он же издаётся». – «Значит, мы его не рассматриваем. Принимает “причастие буйвола”¹¹. Всё! Мы рассматриваем только Лену Шварц».¹²

Носик страшно гордился своей мамой и её учёным кругом. Старейший культурный обозреватель Рунета, интернет-бизнесмен и писатель Сергей Кузнецов так рассказывал мне о своём знакомстве с Носиком в 1996 году:

...он сразу сказал: «Ну, ты, конечно, знаешь мою маму?». Вопрос вообще необычный для человека моего и Антона возраста (ровно по 30 лет), но объяснимый в контексте. Я рассказывал, чем я занимался в области всякой семиотики. Я работал с Вячеславом Всеволодовичем Ивановым, с большим количеством людей из Института славяноведения и балканистики, естественно, это был тот же круг, и он: «Как! Ты не знаешь мою маму? Не может быть!». Это было трогательно, потому что мы привыкли, что в 30 лет мальчик не должен понтоваться своей мамой, гордиться своей мамой и это демонстрировать. Было страшно приятно, что Антон выше этих условностей. «Её знают все!».¹³

Антон восхищался мамой и упоминал её при всяком удобном случае. Так, в 2008 году рассуждение об остро актуальной тогда «нерукоподатности» он уснащает ссылками на Ветхий и Новый завет, на УК РФ, но начинает его так:

Своим нравственным воспитанием я, по счастью, обязан матери, которая в моральных принципах строга, как политкаторжанин, и может старому другу

---

⁹ Фундаментальная библиотека общественных наук. С 1969 – ИНИОН РАН.

¹⁰ Облегчим читателям задачу: в 1872 году. То есть в один год с, например, Сергеем Дягилевым и императрицей Александрой Фёдоровной.

¹¹ Эффектный образ «причастия буйвола» восходит к роману Генриха Бёлля «Бильярд в половине десятого», опубликованному по-русски в 1961 году. Изначально обозначал принятие царившего в фашистской Германии культа силы и т. п.

¹² <http://oralhistory.ru/talks/orh-2129>.

¹³ Все свидетельства, у которых не указан источник, взяты автором в интервью в 2017–2019 гг. при подготовке этой книги.

отказать от дома, ежели он совершил неблаговидный, с её точки зрения, поступок.¹⁴

В настоящее время Виктория Мочалова руководит центром иудаики «Сэфер» («Книга»)¹⁵, который сама же и создала в 1994 году. В интервью сайту еврейской культуры «Букник» в 2012 году она рассказывала:

[Я] хотя родилась и выросла в Москве, на самом деле произрастала в белорусском местечке, ибо вся моя обширная мишпоха, переселившись сюда всем составом, придерживалась своих традиционных взглядов, нравов и обычаев. Москва была очень маленькая, она помещалась в пределах Садового кольца, можно было или ходить пешком в гости, или, по крайней мере, ездить на троллейбусе Б и 10. <...> Поскольку они переехали не по одному, а все вместе, то не особенно ассимилировались, а общались в основном друг с другом. <...> И помню, что когда мне было лет 16, я вдруг осознала, что все люди, с которыми я общаюсь, – евреи. И все мои подруги. Ничего умышленного тут не было. Это было само собой. Ты выходишь замуж, и муж, конечно, еврей. Более того, не просто еврей, а человек из твоей же мишпохи. Я помню, мы с Рашидом Мурадовичем Каплановым однажды искали чей-то телефон. Я открываю свою записную книжку и читаю: Финберг, Финкельштейн... Он говорит: «Слушайте, а у вас вообще другие люди среди знакомых есть?»¹⁶

Похожий на азиата москвич, проводящий по полгода в Таджикистане, и уроженка «белорусского штетла внутри Садового кольца», вошедшая в избранный академический круг своего времени, – такие родители не могли не наложить отпечаток на ребёнка; к тому же на ребёнка, проявлявшего с самого раннего детства задатки гениальности.

Подобно многим филологическим молодым мамам, Виктория, как только сын начал говорить, стала записывать его изречения.

Стать философом очень просто. Надо поставить один вопрос и дать на него все ответы. Например, зачем человек учится в школе? Он там учит всё непозволенное, чтобы, когда, например, попадёт в плен, сделать это непозволенное – они же не ожидают, что он так сделает, – и убежать. Зачем бежать из плена? Чтобы не быть *на смерти*. А зачем не быть *на смерти*? Чтобы жить. Зачем жить? Чтобы было много удовольствий. Если ты умрёшь, то не увидишь травы, не услышишь шорох листьев, не пошевелишь рукой. От плена можно так ещё избавиться: предать своих. Но и тогда убьют: и те убьют, и эти. Или *простыдишься* на всю страну, все же будут рассказывать – и *простыдишься*. Лучше бежать. Вот зачем человек учится в школе. Ты сама могла бы догадаться об этом?..¹⁷

Некоторые из них были опубликованы после смерти Антона в журнале «Лехаим»¹⁸ и сборнике избранной прозы «Лытдыбр».

---

¹⁴ <https://anton-nossik.livejournal.com/13218.html>.

¹⁵ На сайте sefer.ru о нём говорится так: «Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах “Сэфер” создан в 1994 году с целью содействия научным исследованиям в области иудаики и преподаванию еврейских дисциплин в ВУЗах, оказания всесторонней поддержки студентам, аспирантам, академическим работникам в изучении различных аспектов иудаики. Центр объединяет всех, кто связан с исследованиями еврейской цивилизации».

¹⁶ <http://booknik.ru/today/faces/mochalova>.

¹⁷ Из высказываний Антона, записанных В. Мочаловой. 1973.

¹⁸ <https://lechaim.ru/events/rozhdeniy-4-iyulya-1966-goda>.

В.: Хочешь, я отдам тебя в художественную школу?

– Зачем? Чтобы меня там учили подражать? Нет уж, сначала я построю свой дом, а потом посмотрю, как другие строят.¹⁹

Тут, как говорится, комментарии излишни: Антон Носик действительно всю жизнь «сначала строил свой дом». (И так построил: дом этот – Рунет.)

Обращает на себя внимание всплывшая тема художественной школы. В это время в жизни Антона появился второй отец (или, во всяком случае, второй взрослый мужчина) – Илья Кабаков (р. 1933), один из самых продуктивных художников-оформителей детской книги и «самый знаменитый советский концептуалист», по отзыву экспертов Музея современного искусства «Гараж»²⁰. Его арт-объект 1971 года «Всё о нём» считается первым произведением концептуального искусства в СССР, а в 1988 году на первом, легендарном ныне аукционе «Sotheby's» в Москве его за 22.000 фунтов купил лично председатель правления «Sotheby's» Альфред Таубман... и демонстративно подарил советскому Минкульту: дескать, разуйте глаза!²¹

Таким образом, Антон Носик с юных лет оказался в эпицентре интеллектуальной жизни тогдашней Москвы, причём в среде разновозрастной и разнонаправленной. Вот как вспоминает это Максим Кантор – один из известнейших на Западе русских художников, острый писатель и тоже, как и Антон, выходец из яркой артистической семьи:

Мы жили на одной лестничной площадке с Кабаковым, Викой и Антошей. И у нас сложилась как соседская, так и «интеллектуальная» дружба. Это дружба была странной – все поколения не совпадали: папа²² был на двадцать лет старше Ильи, я на двадцать лет младше Ильи, Антоша на десять лет младше меня, Вика на десять лет старше. То есть, всё это не было буквальной дружбой, но такими дискретными (хотя и сердечными) отношениями. Папа часто гулял вокруг дома с Ильёй, а иногда и с Антоном (!). Антон тянулся к моему чадолюбивому папе, который писал для него стихи, рассказывал истории и т. п. В папе всегда жил учительский, воспитательский пафос, и, когда я уже вырос, меня заменил в прогулках Антон.

Не из этого ли «дома художников» пришла к Антону твёрдая уверенность, что все со всеми знакомы и все всё знают? Уверенность, так поражающая его знакомых и коллег, выросших в иных условиях.

Художники-концептуалисты, официально числившиеся иллюстраторами детских книг, – это не просто «интеллектуальный круг», но и такой же причудливый и уникальный выверт «скучных лет России» (эпитет Нины Искренко), как поэты, метущие дворы, и рокеры, подкидывающие уголь в котельных.

30 сентября 2013 года, поздравляя своего отчима с 80-летием развёрнутым и тщательно выверенным постом²³ в ЖЖ, Антон эффектно обрисовал его (и его единомышленников по неофициальному искусству) советский статус как жизнь Штирлица в тылу врага:

До обеда они вполне официально работали за астрономический гонорар на государство, а после обеда создавали картины и графику,

---

¹⁹ Из высказываний Антона, записанных В. Мочаловой. 1974.

²⁰ <https://meduza.io/games/ugadayte-skolko-stoili-loty-na-auksione-sotheby-s-v-sssr>. Иностранное СМИ, выполняющее функции иноагента.

²¹ Сейчас хранится в Третьяковской галерее.

²² Карл Кантор (1922, Буэнос-Айрес – 2008, Москва) – философ и искусствовед, один из создателей промышленного дизайна СССР.

²³ <http://dolboeb.livejournal.com/2573038.html>.

писали тексты и снимали фильмы «в стол», без надежды когда-нибудь представить свои произведения советскому зрителю или читателю, зато с риском нажать неприятности всякий раз, когда об этом их творчестве кто-нибудь одобрительно высказывался за рубежом.

При этом «советские штирлицы» располагали серьёзным доходом и получали солидные льготы. Но ни превышающие месячный оклад инженера гонорары за несложную для художника с крепкой рукой выработку одного дня, ни путёвки в дома творчества, ни огромная мастерская в мансарде дома «Россия» (Сретенский бульвар, дом 6/1), ставшая андеграундным салоном, не могли компенсировать отвращения к «цветочкам и грибочкам», которыми Кабаков был вынужден заниматься четверть века, – и оно прорывалось порой в «концептуальных» жестах вроде грубой матерной фразы, набранной на книжной полосе позади этих самых цветочков и грибочков.

Немудрено, пишет Носик, что как только в 1986 году его 53-летний отчим сумел первый раз вырваться «в капстрану», на трёхмесячную стипендию в художественную школу в австрийский Грац, он в свои 20 лет чётко понял: назад «дядя Илья» уже никогда не вернётся.

Тогда, в 2013 году, в комментарии к этому посту я заметил, что устойчивость «официального» положения Ильи Кабакова определялась всё-таки не (с)только мягкостью советской власти, сколько неоспоримым талантом самого Кабакова и его жесточайшей профессиональной выучкой, позволявшей выполнять необходимую «производственную норму» за считанные часы и на приемлемом художественном уровне. На что Носик отреагировал довольно бурно:

Какая разница, сколько лет Кабаков учился перед тем, как сделал дипломную работу по «Блуждающим звёздам» Шолом-Алейхема.

Драма состояла в том, что он должен был заниматься хуйнёй, с его точки зрения. И деньги, которые за эту хуйню платились, его вообще ни разу не мотивировали. Главным побудительным мотивом была, ты будешь смеяться, конспирация, помноженная на его феерическую трудоспособность. На любую одну из толстых цветных книжек с переводными стишками и сказками он мог бы жить и безбедно содержать семью не меньше пяти лет, «предавшись негетворческой мечте».

Но – не осмеливался.

Для многих его коллег рисование детских книжек было частью призвания (по иллюстрациям Пивоварова, Гороховского, Булатова и Васильева об этом нетрудно догадаться). Но Кабаков, за единичными исключениями каких-то действительно хороших сказок, эту подёнщину очень искренне и от всей души ненавидел.

Очевидно, взросление бок о бок с таким «штирлицем», ненавидевшим систему, но по максимуму использовавшим её возможности, не могло не отразиться на самом Антоне. Ведь московские концептуалисты были художниками не столько антисоветскими, сколько *надсоветскими*: они, по выражению²⁴ входившего в тот же круг Владимира Сорокина, использовали окружающую их советскую реальность, как Энди Уорхол использовал банки супа «Campbell», то есть – как сырьё для создания реальности собственной. Тогда ещё не было слова «виртуальной», но сейчас бы её назвали именно так.

Утверждение Антона про пять лет кажется публицистическим преувеличением. Но вот подсчёт профессионала – Татьяны Костериной, члена правления секции «Книжная графика» МСХ, а в советские годы – художественного редактора и главного художника книжной редакции издательства ЦК КПСС «Правда»:

---

²⁴ В фильме «Сорокин трип» (2019).

Титульный лист мог стоить от 15 до 40 рублей. Чёрно-белая полосная иллюстрация стоила 110 рублей, к разворотной прибавлялось 50 %. Цветная иллюстрация стоила 250 рублей. «Джентльменский набор», то есть переплёт, форзац, титульный лист, макет вёрстки, заставки, буквицы и шмуцтитулы, – набиралась сумма самое меньшее в триста рублей. И по тем временам зарплата в 300 рублей в месяц была очень и очень приличной. А художник же не одну книгу делал в месяц. Если человек рисует детскую книжку, в которой 16 полос, то получается, что у него 14–15 иллюстраций. И каждая – по 230–250 рублей. Вот и умножайте. При этом все прекрасно знали, например, про Пивоварова, что он концептуалист, и никаких проблем это не вызывало – мы сделали с ним несколько книжек Андерсена.

Впрочем, годом позже, в августе 2014-го, рассказывая уже не о Кабакове, а о собственном отрочестве, Антон уверяет, что клетка, о которую бились художники, была не так уж густо позолочена:

Я полагаю, что в 16 лет основная движуха у каждого из нас внутри. Лично мне 16 лет исполнилось при Брежневе Л.И., и я совершенно уверен был, что, благодаря достижениям передовой кремлёвской медицины, генсек меня благополучно переживёт. Что я никогда в жизни не увижу Парижа, Лондона, Иерусалима, Нью-Йорка. Что в стране, где я родился и вырос, будут по-прежнему сажать в тюрьму за чтение определённых книг, изучение и преподавание иврита. Что про компьютеры я буду читать только в научной фантастике, и что копейка «Жигулей», на которой в то время Илья Кабаков по утрам отвозил меня и двух моих соседок-одноклассниц в сороковую спецшколу, есть крайняя степень благосостояния, доступная человеку в моей стране. Копейка «Жигулей» в моей семье была, так что я чувствовал, что достиг этой крайней степени, хотя площадь квартиры, где мы жили втроём – мама, отчим и шестнадцатилетний я, – составляла 21 метр квадратный.²⁵

Этот пост примечателен явным патетическим перехлёстом в другую сторону: ни слова не сказано ни про огромную мастерскую в центре Москвы, где проходила интенсивная ежевечерняя «светская жизнь», ни про то, что копейка «Жигулей» – это скорее показатель осмотренности и нежелания выпячиваться, а не «крайняя степень благосостояния».

Конечно, тогдашнее скромное советское благополучие и богемную свободу смешно сравнивать и с пост-советскими реалиями, и с возможностями, обрётёнными Ильёй Иосифовичем после отъезда на Запад, но надо признать: в семидесятых-восемидесятых Илья Кабаков с семьёй, то есть с Викторией и Антоном, обладали и тем и другим в полной советской мере. И в полной мере им пользовались.

Художник-младоконцептуалист Павел Пепперштейн (и ближайший друг детства, «молочный брат» Антона) вспоминает о тех годах так:

Москва была поделена на круги, но тем не менее круги эти не были замкнутыми, все общались друг с другом, и мы с Антоном с детства проводили время в так называемых домах творчества. Это очень важная часть нашей жизни. Дома творчества были двух типов: писательские и художнические. Мы принадлежали с Антоном к категории, которая называлась «деписы» («дети писателей»). Деписы, соответственно, распределялись на сыписов и дописов.²⁶

---

²⁵ <http://dolboeb.livejournal.com/2683584.html>.

²⁶ Сыновья и дочери писателей. Чтобы завершить сложившуюся классификацию, напомним также о «жописях» и «мудописях» – жёнах писателей и мужьях дочерей писателей, соответственно.

Мы были сыписы – и постоянно тусовались в доме творчества в Коктебеле, в Малеевке, в Дубултах, в разных прекрасных местах, которые имели такие сакральные в Советском Союзе значения.

В моих биографиях часто пишется (и правильно пишется), что благодаря этим домам творчества я вырос среди московского андеграунда. Так оно и есть. Но в этих домах творчества я общался и с представителями официальной советской культуры, с писателями и с художниками.

Павел не случайно отдельно упоминает общение с «представителями официальной советской культуры» – «официальные» художники, как бы ни спорны были порой их личные творческие достижения, выполняли в СССР важнейшую социальную функцию: играли – именно играли – роль *аристократии*.

Советский Союз, по понятным причинам, не смог и не захотел инкорпорировать старую аристократию. Но поскольку кастовое общество без аристократии существовать не может, на её роль была назначена богема.

Знакомством с заслуженным артистом или с писателем-«гертрудой» (героем соцтруда) гордились как вхожестью в графский дом, ресторан ЦДЛ обернулся салоном герцогини де Ной-аль, премьера в Доме кино стала светским раутом, на котором подмечают, кто с кем вышел, и хвастаются новыми (то есть новопривезёнными и свежеевыфарцованными) туалетами.

И сама богема с удовольствием эту роль подхватила – немедленно начав играть во фронду, причём в изводе воспетого Грибоедовым Аглицкого клоба. Впрочем, типологически эта «богемная аристократия» была не столбовой, а служилой, то есть не боярами, а дворянами. Все блага которых – квартиры от творческих союзов, дачи, гонорары, позволяющие покупать машины (без очереди), поездки за границу – даровались в качестве награды и в обмен за верную службу. (Причём эта «верная служба» подразумевала помощь государю во *всех* его начинаниях – в том числе и в затеянных реформах. Поэтому на первых порах Перестройки блистало так много народных кумиров.)

Но были в СССР и столбовые аристократы. Не дворяне, а феодалы – то есть потомки тех, кто пришёл с новой властью, приплыл в одной лодке с Вильгельмом Завоевателем или был дружинником Ярослава Мудрого и получил от него уделы. Роль потомков этих баронов и удельных князей в СССР взяли на себя, как нетрудно догадаться, кэзбешники. Ведь они тоже пришли в 1917 году вместе с Лениным и Троцким, только назывались тогда чекистами и гэпэушниками. И на них опирались поначалу основатели нового государства: каждый большевистский вождь окружал себя «особым отрядом» натуральных головорезов, никому, кроме как ему лично, не подчинявшихся – но формально являющихся подразделением ГПУ. Неудивительно, что они же первые попали под репрессии: когда государство достаточно окрепло, их пришлось окорачивать, как окорачивали своих вассалов все европейские короли и русские великие князья и цари в XIV–XVII веках при создании централизованного государства.

Феодалы и дворяне всегда испытывали взаимную неприязнь – считая друг друга, соответственно, нахальными безродными выскочками и замшелыми пнями с кровавыми корнями, но по прошествии уже двух-трёх поколений разница между дворянами и феодалами стиралась. Потомок удельных князей Вяземских вместе с сыном служилого остзейского барона Дельвига вместе ходили к цыганам и возмущались ужасам аракчеевщины. Точно так же сейчас внучка заслуженного артиста или народного художника ходит на митинг бок о бок с внуком полковника МГБ или открывает с ним на паях ресторанчик – причём место в аренду в самом центре для них почему-то всегда находится. А те, кто не принадлежит к этому кругу, удивляются «парадоксам истории».

Так вот: Антон Носик, принадлежа к андеграундному кругу, и с этой игрушечной «советской аристократией» тоже общался с рождения. И потому пиетета не испытывал. Зато до конца дней испытывал явную неприязнь к потомкам советских феодалов из КГБ.

Порой эта неприязнь принимала гипертрофированные формы. В октябре 2001 года, будучи, в качестве топ-менеджера «Рамблера», приглашённым на конференцию в МГИМО, он чувствует острый диссонанс:

Первый раз в жизни посетил сегодня МГИМО.

В этом заведении, для которого я в мои собственные студенческие дни не подходил ни рожей, ни пятым пунктом, ни социальным происхождением, я чувствовал себя примерно как революционный крестьянин с винтовкой, развалившийся в кресле под Рембрандтом после взятия Зимнего.

Поскольку я там был на спецмероприятии, то устроители отвели меня в VIP-зал. Тут уж я почувствовал себя как всё тот же крестьянин, но уже добравшийся до царской опочивальни. Смешно. Я думал, что за столько лет классовое чувство забылось. А нифига.²⁷

Казалось бы: какое отношение 35-летний интернетчик имеет к «крестьянину с винтовкой»? Но привыкший к чёткости формулировок Антон выразил свои ощущения именно так.

Олег Радзинский, сын Эдварда Радзинского, то есть такой же «сыпис», впоследствии – диссидент и удачливый инвестбанкир, с которым Носику придётся столкнуться в иной реальности, в начале двухтысячных. Его трудно заподозрить как в ностальгии по советской власти, так и в выгораживании современной московской богемы. Но в своих вышедших в 2018 году мемуарах «Случайные жизни» он тоже признаёт:

Советская власть, как никакая другая, ценила творческую интеллигенцию. <...> Творческой интеллигенции выпала задача создать симулякр советской жизни в словах, картинах, скульптуре, музыке и кино. <...> Между властью и творческой интеллигенцией существовал социальный контракт: мы дадим вам дополнительные блага и даже позволим определённые творческие вольности, а вы оставайтесь лояльны. Или по крайней мере нейтральны. Этот контракт действовал до конца советской жизни и умер, став ненужным.

Нынешней российской власти не нужна идеологическая обслуга, поскольку у неё нет идеологии. Она никого не боится и не собирается ни перед кем отчитываться. Её социальный контракт – не с интеллигенцией, а с олигархами: оставайтесь лояльны или нейтральны, и вам позволят вести вашу олигархическую жизнь. Или не позволят.²⁸

Но вернёмся к рассказу Пепперштейна:

Несколько пространств очень важны для нашего детства, нашего формирования. Прежде всего это, конечно, мастерская Кабакова на Сретенском бульваре – роскошный чердак, на котором мы очень много времени провели и в детстве, и потом. Однажды мы там стали клеить огромный замок, он разрастался: какие-то сооружения, микросолдаты... Но в какой-то момент это так задолбало Илью, что, я помню трагический миг, Илья сжёг наш замок в камине. <...>

Потом очень важным моментом для нашей общей жизни стало строительство корпоративного дома от Союза художников на Речном вокзале. В 76-м году мы все заселились в этот дом. Ещё там жили наши друзья-художники Гороховский, Чуйков²⁹, ещё целый ряд художников.

---

²⁷ <https://dolboeb.livejournal.com/54590.html>.

²⁸ Радзинский О.Э. Случайные жизни. М.: АСТ: Corpus, 2018.

²⁹ Имеется в виду концептуалист Иван Чуйков, а не его отец – классик соцреализма Семён Чуйков.

Соответственно, образовалась компания взрослых, которые собирались в формате every evening, ну и компания детей, наша детская шайка, мы постоянно там тусовались.

Конечно, уже упомянутые дома творчества: Коктебель, Челюскинская, Синеж.

Затем – нас объединяла Прага, потому что после 1980 года, когда мой отец переселился в Прагу, я жил на два города. И Вика с Антоном тоже постоянно приезжали в Прагу, потому что там жила Викина старшая сестра Нина, она была в своё время замужем за Тыпольтом, одним из министров правительства при Дубчеке во время Пражской весны.

Все взрослые разделялись на «антонофилов» и «антонофобов», потому что он не терпел равнодушного отношения к себе или чтобы его не замечали. Умел приковывать к себе внимание с самого детства. <...> Антон очень любил спорить, любил занять какую-нибудь очень уязвимую точку зрения – и с невероятным шквалом аргументации её отстаивать. Его влекла эта стихия бесконечного спора. И ему нравилось спорить – со взрослыми. В детской среде «антонофобов» не было, всем он очень нравился, а вот среди взрослых были люди, которые Антона на дух не переносили.

– А в вашей «шайке» были девочки?

Половина мальчиков, половина девочек, и, конечно, атмосфера нашей детской шайки была довольно порнографическая. Все были очень озабоченные. Как только взрослые исчезали с радаров, начинался бесконечный порнографический дискурс... И чем старше мы становились, тем более сексуализированные формы это принимало.

Закончить главу о формировании характера Антона Носика необходимо там же, где она началась, – в Коктебеле. Потому что именно там произошло знакомство с Ильёй Медковым, оказавшее колоссальное воздействие на всю его дальнейшую жизнь. Вот как описывает это Пепперштейн:

Летом 87-го я приехал на каникулы из Праги, и было уже заранее решено, что мы встречаемся и едем в Коктебель. Мы собрались в квартире у жены Антона Наташи Зак, и среди прочих людей там сидело какое-то существо. Сначала мне показалось, что это очень уродливая еврейская девочка. Потом я понял, что это вовсе не еврейская девочка, а еврейский мальчик, причём в качестве мальчика – вовсе не уродливый. Это и был Илюша Медков. И мы прямо в поезде, едущем в Коктебель, очень подружились. Он, как и Герман Борисович Зеленин, сыграл очень важную роль в нашей с Антоном жизни. Человек он был очень необычный, это был человек фантасмагорический, с гигантскими фантазиями.

И в Коктебеле я наблюдал невероятную дружбу. Для Антона это было характерно, он вообще был человек очень увлекающийся. Его дружбы напоминали влюблённости: очень страстные, с погружениями. И тогда был пик такой дружеской влюблённости у них с Ильёй. А поскольку никаких гейских наклонностей у них не было, а либидо надо было как-то реализовать, то реализовывалось это в виде совместной охоты за девушками. <...> Атмосфера в Коктебеле была такая, что в принципе никакой охоты не требовалось: и так всё пространство было заполнено девушками, настроенными на любовь. Для них это был дружеский ритуал – и возвращались они всегда в компании с девушками.

При этом Илья был невероятным мастером выдумывания грандиозных шалостей. Конечно, мы не осуществляли эти шалости, в основном мы их обсуждали. Среди прочего мы составили невероятный текст – план захвата власти в СССР. В этом плане очень подробно описывалось, во-первых, как мы захватим власть в СССР, во-вторых, что мы будем делать как властители. Ясное дело, это был очень деспотический режим, с невероятными грандиозными планами.

К планам Медкова мы вернёмся чуть позже, а пока зададим Пепперштейну фундаментальный вопрос: было ли детство Носика счастливым – в том смысле, который в это слово вкладывал сам Пепперштейн, когда говорил в интервью «Art&Houses» в январе 2017 года:

Успешными становятся как раз те, у кого детство было довольно трудным. И эта энергия преодоления изначальных травм создаёт успешного человека. А те, со счастливым детством, как правило, терпят дикое потрясение от жестокости реального мира.³⁰

Или всё-таки права была партнёрша Антона по соучреждению благотворительного фонда «Pomogi.org» Сарра Нежелская, уверявшая, что

...у него внутри была какая-то даже не печаль, а именно что раненность. Возможно, я плохо знаю все обстоятельства – и что-то было в его судьбе трагическое, а возможно, он просто слишком много всего видел в своей жизни.³¹

Павел задумался, а потом ответил мне так:

Несмотря на то, что детство мы провели вместе, относились мы к нему по-разному. Я его воспринимал как счастливое. Но нельзя сказать, что так же его воспринимал Антон. По каким-то причинам оно его тяготило, и он поскорее хотел из него выбраться. Примерно так же, как я хотел как можно дольше в нём остаться. Он был ребёнком, который очень много энергии тратил на то, чтобы создать себе образ взрослого. К этому относятся и его бесконечные полемики, и то, что говорил он подчёркнуто на очень взрослом языке.

И возвращаясь к дикой дружбе между Антоном и Ильёй Медковым... У них доходило до того, что они ритуально обменивались одеждой, и даже обменялись именами: Антон называл его Антоном Борисовичем, а Илья его – Ильёй Алексеевичем. Очень глубокой травмой стало для Антона убийство Медкова – практически как символическая смерть его самого.

...Он тоже очень сильно охуел от жизни, и пока нас держала на плаву какая-то такая молодая игривость, всё это воспринималось более-менее, но как только мы стали постарше, мы стали ужасно охувшими, травмированными, внутренне очень перепуганными. Внешне это может выражаться по-разному – в [напускной] уверенности, бравате, но всё равно присутствует эта внутренняя перепуганность: куда же мы всё-таки попали?..

3 января 2014 года (как мы сейчас знаем, меньше чем за три года до смерти) Носик делает поразительную запись:

Три половины жизни

---

³⁰ <http://art-and-houses.ru/2017/01/13/peppershtejn>.

³¹ <https://meduza.io/feature/2017/07/12/ya-emu-govorila-etot-fond-budet-vsegda-periodicheski>. Иностранное СМИ, выполняющее функции иноагента.

tvoim-kak-by-ty-ni-gulyal-ot-nas-

Первую половину своей жизни я провёл в страшном недовольстве собой и своим жребием. Мне казалось, что Бог мне чего-то недодал, самого главного и необходимого в жизни. У меня по этому поводу не было никаких претензий к Богу, просто хотелось понять, почему Он со мной так поступил.

Вторую половину жизни я провёл в недоумении: за что Бог меня так любит. Чем я заслужил все те дары, которые Он на меня обрушил. И чем я мог бы Ему за всё это добро отплатить.

Теперь начинается третья половина моей жизни. Когда вопросов уже практически не осталось. А осталась одна лишь ответственность отплатить за всё полученное добро.

И я рад этой ответственности.

И обязательно отплачу.³²

К последним словам этого манифеста «третьего возраста» (в 47 лет!) мы вернёмся в конце книги, а пока заметим: ключевое отличие Носика от Пепперштейна – не только отношение к собственному детству, но и отношение к художественному творчеству. Антон, в отличие от Павла, не пошёл по этой стезе. И самое время спросить: почему?

---

³² <https://dolboeb.livejournal.com/2614694.html>.

А.Б.Носик и художественное творчество 1987–1990

Итак: почему же Антон Носик – сын писателя и филолога и пасынок художника, для которого художественная среда была естественна с рождения, – сам, подобно Пепперштейну, не продолжил традицию своих трёх родителей и их ближайших друзей?

Незаурядность, одарённость Антона с отрочества бросалась в глаза самым разным людям.

Я его сразу выделила, – говорит одноклассница Носика по 9–10 классам 201-й литературной школы, поэт и бард Людмила Печерская. – У него была феноменальная память. Уникальная, фотографическая. И – глаза: очень ясные, не просто выразительные, а... У Ницше был такой взгляд.

•

За ним можно было просто записывать то, что он говорит между делом. Больше я таких людей, по-моему, не встречал, – утверждает IT-журналист Андрей Анненков, старший коллега Носика.

•

Что мальчик был совершенно гениальный, это было видно с самого начала, – вспоминает, сидя на своей иерусалимской кухне, Наталия Ратнер³³. – Его потрясающие способности, удивительное, ни на что не похожее остроумие я прекрасно помню.

•

Он 15-летним капитаном сунулся сначала к Наташке по знакомству, – подтверждает сам Магарик. – У неё не было места в группе, и она его отправила ко мне. У меня были две ученицы начинающие. И он, совершенно с нуля. Пришёл такой очень уверенный в себе молодой человек. С ясным планом жизни. С какой-то парой иностранных языков.³⁴

Через некоторое время он ушёл далеко вперёд и перегнал группу, и в конце сезона, по весне, он свалил. За осень, зиму, часть весны прошёл весь годовой курс. Вышел уже читающим газеты без адаптации и свободно разговаривающим. Это был мой самый успешный случай.

Трудно поверить, потягивая в солнечном январе 2018 года с 59-летним Магариком виски на крыльце его дома в маленьком «городке художников» на севере Израиля, что речь идёт о событиях 35-летней давности. И что через три года после описываемой зимы 82/83 года, в марте 1986-го, КГБ подбросит Магарику наркотики, и он «уедет валить лес – и выйдет оттуда только в 87 году по договорённости между Рейганом и Горбачёвым», как рассказал сам Носик на «Школе злословия» в 2005 году³⁵. Невысокого роста, подвижный и сухопарый Алексей артистичен и по-молодому порывист. Он ездит в Иерусалим играть на виолончели Баха

---

³³ К ней в 1982 году 15-летний Антон отправился учить иврит. Она переадресовала нового ученика своему мужу Алексею Магарику, но их общение не прервалось.

³⁴ В упоминавшихся уже записках Виктории Мочаловой в «Лехаиме» фигурирует учитель французского, который ходил к ним домой. Плюс, разумеется, спецшкольный английский и гораздо менее типичный чешский, подобранный во время поездок к родственникам.

³⁵ <https://youtu.be/NqTdADJw7Xw>. В эфир выпуск передачи не вышел.

(исключительно Баха, перед которым преклоняется), регулярно публикует в фейсбуке ничуть не любительские стихи, а на жизнь зарабатывает деревянной скульптурой и уникальными плотницкими работами. Легко себе представить, как незаурядный молодой учитель сразу нашёл общий язык с незаурядным юным учеником.

Несколькими годами позже, в 1985 году, с 19-летним Антоном столкнулась у общих знакомых 24-летняя хиппушка из Литинститута Аня Герасимова, дочь переводчицы и сама – будущая переводчица литовской поэзии и звезда андеграунда Умка. Её впечатление, зафиксированное по горячим следам в дневнике, оказалось схожим с впечатлениями Магарика:

Очень мил Антон, с которым мы, оказывается, познакомились – ха! – в Малеевке, когда приехали туда (с Егором Радовым³⁶) на такси зимой с китайским коньяком, и я, влетев в коттеджик, закричала: «Ёб твою мать, сколько друзей! Извините, Виктор Антоныч» (Богданов, преподаватель из Лит. института). Нас тогда поселили у двоих юных Антош, у них был «Аквариум» и толстая книжка «Sex Love Letters», как нельзя лучший материал для моих раскомплексованных телег. Антоша:

– Шатько³⁷ мне сразу признался, что он мальчик, и спросил: «Интересно, как трахаются индианочки?» Я ему рассказал про одну индианочку. Я рассказывал 15 минут, а он потом до шести утра кровать скрипел. Когда вы появились, он сказал: «Какая замечательная девушка, интересно, с кем из нас она будет спать?» Да ты что, дурак, она с мужем. «Ну и что?» <...>

Антоша – нежный черноглазый мальчик с тонким тельцем и пушистыми ресницами, сын переводчика «Незабвенной» и пасынок Ильи Кабакова, единственный действительно богемный мальчик, он очень тонок, знает и Олейникова³⁸, и «L'Écume des jours»³⁹ по-французски читал, и все рок-текстовки по-английски, и концептуализм, и всё это очень ненавязчиво + типичный литературный стиль гнания телег – короче, он напомнил мне моих характерных друзей. В 26 лет он женится и свалит за границу, а до тех пор его узнаёт вся Москва.

Умка ошиблась в своих прогнозах не намного: за границу Антон свалил не в 26, а в 23. И ещё характерный штришок из дневника цепкой Умки:

В этом доме несколько трубок разнообразных форм, и все их всё время курят. А как-то Васька взял в рот сразу две и стал на них «играть». «Чекасин ты наш», – сказала я, и все были в восторге. Антоша сразу спросил: «А ты знаешь Чеку? Они всегда ночуют у нас, когда приезжают». О нет, так высоко я не летаю, чтоб «знать Чеку».

Для Анны, в тот момент уже аспирантки Литинститута, потомственного переводчика литовской поэзии (а Чекасин приезжает именно из Литвы), знать лично знаменитого саксофониста – это «слишком высоко летать». Для Антона же он – домашний человек, Чека́.

Так же уверенно Антон чувствует себя не только в авангардно-джазовой, но и в андеграундно-рокерской тусовке. 3 июля 2017 года, накануне последнего дня рождения и за шесть

---

³⁶ Егор Радов (1962–2009), вошедший в историю литературы как «автор “Птюча”», в описываемое время – муж Анны Герасимовой. Сын поэтессы Риммы Казаковой и советского публициста Георгия Радова.

³⁷ Антон Шатько (1967–2005) – композитор, классический гитарист, автор-исполнитель, сын советского писателя Евгения Шатько.

³⁸ В 1989 году Герасимова первой в СССР защита диссертацию по обэриутам.

³⁹ «Пена дней» Бориса Виана.

дней до смерти, выкладывая в ЖЖ видео с последнего (для него) концерта «Аквариума», он с восторгом пишет:

Часть этого репертуара я слышал живьём только на акустических квартирниках начала восьмидесятых, а другую часть – никогда.⁴⁰

Тут не знаешь, чему больше удивляться: что в неполные 20 лет он уже был вовлечён в центровые музыкальные события того времени, или тому, что тридцать с лишним лет спустя помнит, что именно тогда было спето.⁴¹

Тому же, что 50-летний мужчина, уже ходящий с тростью и вообще не лучшим образом себя чувствующий (увы – задним числом мы это можем утверждать определённо), не просто пошёл в n-й раз на концерт любимой рок-группы, но и заморочился вести HD-съёмку и потом биться над тем, чтобы залить записанные гигабайты в публичный доступ, – удивляться не приходится: в этом весь Носик.

В 2010-е годы, начав часто бывать в Италии, он так же виртуозно, как некогда новостями, начал оперировать искусствоведческими категориями и читать концептуальные лекции о Венеции как прародине свободного предпринимательства и европейского еврейства. А когда вышел сериал «Молодой Папа», устроил подробнейший разбор картин и арт-объектов, фигурирующих в его очень неслучайной заставке, – с объяснением, почему именно этот набор арт-объектов использован.

Юлия Идлис, поэт и сценарист, проведшая вместе с Носиком и его семьёй несколько зим в Гоа, отзываясь об этом блестящем разборе эмоционально:

Я другого такого человека не знаю, который в столь разных областях может так глубоко анализировать. Ни у кого другого мозгов на это не хватит. Это был его дар.

Дар, который при этом был поставлен на службу главному носиковскому таланту: сводить людей и выстраивать между ними продуктивные связи.

Антон был абсолютный matchmaker, – объясняет Марина Пустильник, работавшая с ним двадцать лет. – Он был невероятным сватом. Придумать идею, найти под неё инвестора, зажечь его, зажечь всех и по-быстрому свалить – в этом был весь Антон.

Носик любил подчёркивать, что лишён каких бы то ни было музыкальных способностей, – но при этом разбирался в музыке так, что и записные меломаны проникались к нему доверием. Об этом вспоминает юрист, писатель и продюсер Павел Сурков, некогда – постоянный автор «Zvuki.Ru»:

Мы познакомились 12 июля 1999 года, в самом чудовом месте журфака МГУ, в курилке, в длинном аппендиксе, где по стене стояла деревянная лавка. Мне в тот день Андрей Рихтер и коллеги подарили «Детский альбом» Курёхина, с ним я и отправился в курилку, куда меня позвал Андрей. «Познакомлю с Носиком», – сказал он. <...>

Мы говорили о каких-то вещах, связанных с правовым регулированием Интернета, но Антон не спускал глаз с пластинки, которую я держал в руках. Он не выдержал первым.

– Это что, Курёхин? Можно взглянуть?

---

⁴⁰ <https://dolboeb.livejournal.com/3168569.html>.

⁴¹ Тремя неделями раньше, 13 июня, в большом репортаже, озаглавленном «Как мы праздновали день независимости» (<https://dolboeb.livejournal.com/3159928.html>), Антон «забирает ещё круче» – уверяя, что не просто посещал, но и организовывал квартирники БГ в Москве 82-м году, в неполные 16 лет. Но это всё-таки больше похоже на публицистическое преувеличение: опрошенные мной «старшие товарищи» на первых московских квартирниках БГ юного Антона не вспомнили.

Я протянул пластинку – и началось. Никакого разговора об Интернете не стало и в помине – мы стали говорить о музыке, о БГ, о «Поп-механике», о «Господине оформителе» и ещё бог ведаёт, о чём. А для меня сработал важный маркер – раз чувак может вот так экспертно рассуждать о музыке, значит, он – *свой*, правильный чувак.

Как ему это удавалось?

Помимо привычной с детства художественной среды, вспомним неумение остановить ведущуюся с невероятной интенсивностью интеллектуальную деятельность, и сопоставим с пушкинским определением вдохновения: «расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следственно и объяснению оных»⁴². Можно сказать, что Антон Носик жил в состоянии постоянного вдохновения.

Он был очень талантливый человек, может быть, даже слишком. Его было даже слишком много, он зачем-то себя в том числе саморазрушал. Говорят, так бывает, когда человек чувствует, что его слишком много, – и гасит себя. Для себя я это так объясняю, – размышляет Марина Пустильник.

* * *

Итак, повторим ещё раз, уже настойчивее: почему этот дар, эти распиравшие и видимые невооружённым глазом таланты не нашли реализации в том, что принято называть художественным творчеством?

Впрочем, категорично утверждать «не нашли» не совсем справедливо. Антон с детских лет всё время что-то писал. Пепперштейн вспоминает об их совместных опытах:

Когда Кабаков, Бакштейн и Эпштейн создали проект написания эссе на заданную тему, нам очень это с Антоном понравилось, и мы тоже взяли и стали задавать друг другу темы и писать на эти темы эссе. Нам было лет по 14–15... Задавалась какая-то тема – и мы, разойдясь в разные углы комнаты, писали эссе, иногда на тайминг, ограниченное время. Эссе получались хорошие. Помню, было эссе «Дом творчества», где мы описывали наш тамошний опыт. Даже когда он учился в Меде, мы ещё продолжали это делать, потому что я помню эссе «Череп», которое уже написано Антоном с позиции человека, изучающего анатомию. Эссе «Путешествие в Дрезден». И ещё целый ряд.

Когда в феврале 2016 года Сеть всколыхнула история про Мандельштама, Оксимилона и хабаровскую школьницу⁴³, Носик с удовольствием вспомнил в посте с заголовком «Как я писал стихи Пушкина» собственную подростковую шалость – стихотворение про Меттерниха и Священный союз, которое семиклассником сочинил, по его уверению, за 15 минут – просто потому, что забыл выучить дома стихотворение настоящего Пушкина. «Историю наполеоновских войн я в ту пору изучал довольно старательно, так что населить мой стих именами и событиями рубежа XVIII/XIX веков труда не составило». Прочитав его на уроке литературы и прокомментировав, он сильно расширил исторический кругозор учительницы, но навлёк на неё неприятности (родители, с которыми одноклассники поделились, как их училку провели,

---

⁴² «Отрывки из писем, мысли и замечания» (1827).

⁴³ История так и осталась не до конца понятной: школьница то ли и впрямь сознательно выдала текст Оксимилона за юношеское стихотворение Мандельштама, то ли просто сравнила с ним текст Оксимилона, действительно позаимствовавшего у Мандельштама рефрен «всё переплетено», а скандал возник из-за невнимательности записавшей видео одноклассницы, принявшей сравнение за подмену.

справедливо возмутились – что за невежа учит их детей!), что едва не обернулось неприятностями для самого юного постмодерниста.⁴⁴

Через несколько лет, в институте, Носик совершил похожую «диверсию» – ближайший студенческий друг Антона и «младший инспектор» «Медгерменевтики» Герман Зеленин вспоминает, что пятикурсника Носика чуть не отчислили за то, что он на военных сборах «слишком серьёзно» подошёл к созданию ротной стенгазеты:

Первый (и единственный) выпуск нашего боевого листка был о том, что присяга – это не просто слова. За ними стоит статья УК. И прежде, чем их произносить, лучше задуматься, готовы ли вы отправиться, например, в Афганистан исполнять интернациональный долг... Готовы ли вы нести уголовную ответственность за отказ выполнять все приказы советских военнo-начальников?

Немногие прочли этот текст – потому что читать боевые листки студентам в голову не приходило, к тому же этот был на утро снят со стенда замполитом нашей военной кафедры. Мы же были низложены перед строем... Эх, приятно вспомнить!⁴⁵

•

Он обладал огромным талантом, – уверяет Пепперштейн. – Превосходно рисовал, у меня хранится много его хороших рисунков, и вообще у меня в архиве очень много его произведений, и литературных тоже, дожурналистского периода. Очень важно, чтобы люди, читая об Антоне, понимали, что он далеко не только журналист и медиаменеджер, – он ещё и очень талантливый художник и писатель.

Все близкие уверяют: Антон всё время что-то писал, показывал им... но не публиковал.

Даже когда в 96-м году в Израиле ближайший друг Носика Демьян Кудрявцев начал выпускать поэтический альманах «Обитаемый остров» – Антон не поддержал друга стихом. «Стихи Носика я видел, публикаций – нет», – лаконично ответил мне Кудрявцев.

Однако в июле 2004 года Антон с искренним изумлением обнаружил, что его школьные малоприличные частушки не просто сохранились, но и стали фольклором:

25 лет назад был я мал и глуп, а потому сочинял всевозможные дурацкие стишки.

Полагал при этом, вероятно, что дальше 8 «А» класса творчество это вряд ли куда-нибудь уйдёт – дальше оно и не предназначалось, и механизмов, казалось бы, не было: ни Интернета, ни ФИДО, ни даже на худой конец множительной техники в публичном доступе...

Хрен я угадал, как показало беглое знакомство несколько лет назад со сборником русского школьного фольклора, где обнаружилось несколько «саdistских частушек» моего детского сочинения.

Сегодня вдруг выяснилось, что в Интернете дожили до наших дней и другие образцы моего детского творчества, типа [английских частушек](#). Углублённый вебсёрч выявил ещё десяток-другой моих детских сочинений (например, лимериков), попавших на веб непонятным способом. К счастью, никакой любовной или гражданской лирики там не оказалось. Уфф.⁴⁶

---

⁴⁴ <http://dolboeb.livejournal.com/2914384.html>.

⁴⁵ <https://clck.ru/DgXsz>.

⁴⁶ <https://dolboeb.livejournal.com/455628.html>.

Под «английской частушкой» подразумевается вот что:

У май лавера в мозгу
нот а сингл извилины —
джаст э хи впадёт в тоску,
все хенды попилены⁴⁷.

А под лимериками, например, такое:

Старый поп из деревни Сушнёво
Заковал свои муди в оковы
И воскликнул: Господь!
Я смирил свою плоть!
Но душе моей – тоже хуёво.

Я привожу именно этот лимерик из доброй полусотни похожих игривых стишков⁴⁸, потому что именно его первую строку сам Носик вбил в поисковый запрос, то есть признал его авторство. Всё, что мы с древнейших времён знаем как «фольклор», имеет конкретного автора, и автор этот очевидно незауряден. Но – как пишет сам Антон – «у меня примерно к третьему курсу мединститута кончились все эти амбиции».

Амбиции кончились, но по-прежнему Носик охотно откликался на разные литературные игры. В частности, проходившие в «Гусарском клубе»⁴⁹ – одном из первых русских сетевых комьюнити (создан в 1995 году). Марина Пустильник, познакомившаяся с Антоном как раз там, сидя со мной в кафе на Тверской в 2018 году, не может вспоминать о нём без улыбки:

Это был творческий клуб по интересам, где собирались недавно уехавшие в Израиль, а также молодые аспиранты, которые учились в Штатах. Каждый брал себе псевдоним, начинал со звания корнета, а дальше за участие и победу в литературных конкурсах росли звания. Такая литературная игра. Насколько я помню, Антон тоже писал стихи, и вообще был как-то активен.

С другой стороны, у клуба была составляющая в реальной жизни, т. е. они все встречались кто где.

У них был IRC-канал, где я и тусовалась. Это было очень весело. Я тогда заканчивала учёбу [в США], и все ночи проводила на этом канале, вместо того, чтобы писать диплом. Конкурсы, помню, все были очень остроумные, творческие, рядом с ними я чувствовала себя недостаточно креативной.

Достаточно заглянуть в доступные сейчас «архивы Гусарского клуба», чтобы убедиться: конкурсы и впрямь были остроумные, но старинное словечко «неудобочитаемые» к большинству «гусарских» шуток и стишков относится в полной мере. Но само общение «молодых аспирантов» и экспатов было, возможно, важнее самих стихов.

Необходимо отметить и глубокое понимание чужих «настоящих» стихов. Примером чему может служить произведённый Носиком в феврале 2010 года в ЖЖ-комьюнити **mgendelev** разбор стихотворения «Элегия. Памяти сословия» Михаила Генделева – ставшего в Израиле близким другом Антону и центром притяжения для молодых образованных репатриантов. Здесь Носик отказывается от специфической лексики и излагает свои мысли языком почти академическим:

---

⁴⁷ <https://asnat.livejournal.com/417261.html?thread=1673965#t1673965>.

⁴⁸ <http://www.screen.ru/vadvad/Yes/tanki.htm>.

⁴⁹ «Гусарский клуб имени поручика Ржевского»: <http://www.kulichki.com/gusary>.

Это тип поэта-пророка, который озвучивает не свою обособленную от мира правду, а некие коллективные установки, которые читатель либо приглашается разделить, либо он их уже разделяет, а поэт их просто облёт в совершенную ритмическую форму, в коллективную молитву и догмат веры.⁵⁰

Если прочитать целиком эту пространную, на 9 тыс. знаков, то есть два разворота толстого литературного журнала, запись, то можно обратить внимание на несколько обстоятельств. На указанное в посте местонахождение: «гостиница “Жемчужина”, Сочи, Краснодарский край» (выдалась свободная минута на курорте, сел и написал). И на две характерные отсылки: к социальной сети MoiKrug, пытавшейся тогда занять место русского LinkedIn, и к Гребенщикову – без которого разговор о современной русской поэзии для Носика оказался невозможен.

Единственное относительно «серьёзное» стихотворение Антона Носика в публичном доступе сейчас можно найти благодаря всё тому же Павлу Пепперштейну, который вовлек друга в концептуальное искусство – в созданную им в конце 1987 года группу «Инспекция “Медицинская герменевтика”».

Полное название «Инспекция “Медицинская герменевтика”» в достаточной степени выражает предмет наших интересов и занятий. Речь шла об инспекции всего. Очень философическая позиция. «Инспекция всего» предполагает нахождение в некой умозрительной отстранённости.

В иудео-христианской традиции первым актом инспекции можно считать 7-й день творения, когда Господь обозрел созданный мир и сказал: «Всё хорошо весьма». Т. е. это первая инспекционная запись в истории человечества, во всяком случае западного.

«Медгерменевтика» – это истолкование текстов, интерпретация текстов. Речь шла об использовании аппаратов интерпретации в терапевтических целях. При этом нам было очень важно, что среди нас два профессиональных медика (Антон и Герман Зеленин), и большое значение мы придавали тому, что один является урологом, а второй – гинекологом. Были представлены как бы ин и янь. Основные гендерные принципы, принципы бытия, дуальность. Было важно, что они врачи.

Антон был свидетелем зарождения группы «Медгерменевтика», и он был сразу назначен младшим инспектором герменевтики. Он очень ответственно отнёсся к этому, и сразу же стал принимать активное участие в работе группы.

Примерно через год мы занялись созданием книг, которые по нашей идее должны были составить пустотный канон герменевтики. Нас волновала тема пустотности и поиски канона, вернее, разработка канона. Была задумана многотомная структура и создано 12 томов пустотного канона, два первых тома были опубликованы.

Прервём рассказ о московском младоконцептуализме, чтобы заметить, что «тема пустотности» не может не вызывать у читателя, чья молодость пришлась на девяностые, ассоциации с романом Пелевина «Чапаев и Пустота»: ведь её главный герой, Пётр Пустота, тоже был маниакально озабочен «философскими аспектами пустоты». Пепперштейн в нашем разговоре согласился, что совпадение это, вероятно, не случайно:

Пелевин – человек-радар. Он всё вылавливает из инфосреды. Безусловно, он слышал и о «Медгерменевтике», и о школе московского

---

⁵⁰ <https://mgendelev.livejournal.com/2946.html>.

концептуализма в целом, для которой тема пустоты всегда была центральной, принципиальной.

– Но лично он тогда с вами не общался?

В то время – нет. Я знаком с Пелевиным и общался с ним, но совершенно в другой период, в нулевых годах. Я думаю, что и Антон с ним познакомился в этот период, в нулевых годах. А тогда [в конце восьмидесятых] Пелевина никто не знал.

Это кажется вполне естественным, – но сам Носик настаивал на обратном. Когда в сентябре 2014 года вышел роман «Любовь к трём цукербринам», в котором Носик фигурирует собственной персоной, да ещё и с «женой» – Долбой, я поинтересовался у Антона, спрашивал ли Пелевин у него в какой-либо форме разрешения на использование имени? На что получил ответ:

Со мной никто ни секунды не связывался, о том, что я там фигурирую, узнал от тебя, так что если располагаешь текстом – буду признателен.

Как ты догадываешься, единственный вариант Пелевину пострадать от несогласования со мной «моего» персонажа – это иск от меня о защите чести и достоинства. Пелевину даже не надо посылать ко мне юристов, чтобы понимать невозможность такого иска, это goes without saying.

На мой же вопрос о личном знакомстве с Пелевиным Антон ответил так:

Мы были шапочно знакомы в Коктебеле восьмидесятых, но после моего приезда из Израиля поводов для личного общения никогда не возникало.

Пепперштейн, когда я рассказал ему об этом, возразил категорически:

Антон явно приврал, если он так сказал. Потому что, конечно, Пелевин ни в каких Коктебелях никогда не был.

Пелевин, как обычно, сохранил фигуру молчания, не ответив на посланный через агентов вопрос, так что подробности этого «шапочного знакомства» остаются загадкой – но, возможно, они всплывут в каком-нибудь следующем романе, как всплыло в 2017 году, уже после смерти Носика, хлёсткое словечко iFuck, проскочившее в его ЖЖ⁵¹ в июле 2003 года.

Но вернёмся к нашим младоконцептуалистам.

4-м томом «Медицинской герменевтики» был том «Младший инспектор», который состоял из текстов младших инспекторов. И для этого тома Антон написал большой, значительный, важный текст, посвящённый теме, которая профессионально его впоследствии заинтересует – компьютеры. Этот текст, конечно, будет сюрпризом для тех, кто его знает в качестве апологета сетевых коммуникаций, потому что он написан совершенно в другом, научном стиле, совершенно не в журналистском духе, посвящён анализу психологических и психиатрических расстройств, которые возникают у человека в отношениях с компьютером. Очень, надо сказать, интересно, потому что текст написан ещё тогда, когда это не стало таким шквальным эпидемическим явлением, всё-таки текст восьмидесятых годов.

В отличие от «стихов Пушкина», о которых автор кокетливо заметил ямбической строкой «стихи мои не сохранились», «стихи младшего инспектора», по счастью, сохранились:

Песня Дибэггера

---

⁵¹ <https://dolboeb.livejournal.com/339552.html>.

Но не спится, куда ты ни капай
Свой туманный аптечный состав.
Кто-то мятый нездешнею лапой
Попадает в мой левый рукав,

Кто-то целится глазом под вымя.
Спотыкаясь во тьме ледяной...
Ты вчера не гуляла с другими —
Исключительно только со мной!

Ты вчера не бродила по скалам
С этим гнусным ежовым моржом,
И в больницу ко мне ты таскала
Исключительно кислый баржом.

А сегодня – взгляни, от предела
Я решительно стал недалёк,
Я хочу твоё сладкое тело
Положить на уютный пенёк...

Что же с нами, любимая, будет,
Если встречи, глядишь, позади,
И уже бессердечные люди
Пишут «Вася» у нас на груди?

Мне не радостны красные флаги.
Первомайский не сладок парад —
Я хочу твоей ласковой влаги,
Да её уже нет, говорят...

Извини меня, милая, пла́чу
И плачу дорогою ценой —
Мне сегодня не выдали сдачу
На единственный мой четвертной.

И теперь я за чашечкой кофе
Погибаю в заштатной пивной —
Где, любимая, тонкий твой профиль...
Отчего ты теперь не со мной?

Здесь хочется отметить сразу несколько обстоятельств.

Во-первых, эти стихи выразительны сами по себе.

Во-вторых, они, в соответствии с приговской концепцией «подставного автора», написаны от имени дигаггера – т. е. отладчика компьютерных программ (новаторское на тот период занятие!), человека, явно менее искушённого в изящной словесности (и даже менее грамотного, судя по написанию слова «боржоми»), чем сам автор, – и при этом несравненно более сентиментального.

И самое главное – они опубликованы не сами по себе, а в качестве зачина для восьмистраничной статьи под названием «Компьютер как первопричина психических расстройств»,

датированной апрелем-маем 1989 года и доступной сейчас не в мифическом «четвёртом томе 12-томного пустотного канона», а во вполне реальном (хотя и довольно экзотическом) журнале «Пастор»⁵² Вадима Захарова (№ 7 за 1999 год).

Впрочем, от младоконцептуализма Носик отошёл довольно быстро. И Пепперштейн прекрасно понимает, почему:

Несмотря на участие в «Медгерменевтике», мир искусства его не очень привлекал и манил – кажется, из-за атмосферы игрушечности и игривости, которая присуща всегда искусству и художникам.

Для всех нас его решение пойти в Мединститут было полной неожиданностью – и наверняка эта неожиданность тоже была частью плана Антона, поскольку он очень любил удивлять окружающих и выкидывать всякие фортели, но, я думаю, основным побудительным мотивом было очень ярко присутствующее у него желание стать поскорее взрослым⁵³ и заниматься взрослым нешуточным делом.

По всей видимости, он был бы ужасным врачом. Никаких природных талантов к этому не было, хотя к учёбе он очень старательно относился.⁵⁴ Но более неподходящего человека, чтобы работать врачом, трудно было себе представить. Он очень страдал, его тошнило от препарирования трупов, у него были проблемы с едой. Рассказывал про это [прохождение практики в больнице во время учёбы] какие-то чудовищные истории, волосы дыбом стояли.

Анна Герасимова приводит одну из таких историй:

- Сiju я на рабе, пью чай. Вдруг слышу на лестнице: «Нет! Нет!». Что такое? Выхожу. Стоит наш главврач, а у него в руках банка с бульончиком.
- Вот, – говорит, – мама сыну бульончик принесла.
- Это которому 16 лет не было?
- Ну да.
- Ну и что?
- Но мёртвым не нужен бульончик!

Заметим, что «неожиданность» выбора медицинского института характеризует скорее герметичность взгляда Пепперштейна – потому что тот же Магарик, совсем не близкий друг, был прекрасно осведомлён, что школьник Антон работал санитаром, наработывая необходимый для поступления стаж. Виктория Мочалова подтвердила мне, что у них были многочисленные разговоры на эту тему:

Я была категорически против, т. к. ясно видела, что никаких данных, непременных для врачебной профессии, у него нет. Он был законченный гуманитарий, писал тексты с 6 лет (отец подарил ему пишущую машинку), легко учил языки. <...> Врачебное искусство требует иного. Но он упорствовал. Время было советское, и он считал, что гуманитарные науки скомпрометированы, писательство отца его тоже не привлекало –

---

⁵² <http://www.conceptualism-moscow.org/page?id=438>.

⁵³ Сравним с другим постоянным рефреном воспоминаний о молодом Носике – его мальчишеский вид. Например, у Владимира Мака о Коктебеле 87-го года: «Мы идём [с женой] по набережной, и она вспоминает, как я остановился с каким-то школьником, и мы с ним беседуем, и она говорит: «Что это за школьник?» Я говорю: «Этот школьник, между прочим, кончает Мединститут скоро».

⁵⁴ И вполне успешно скрывал свою нерасположенность к медицине от сокурсников: «У нас не [было] принято спрашивать: “Чё ты пошёл вдруг в медицинский?”» Это могли спросить у глубоко неуспевающего человека, но Антон учился нормально, поэтому вопроса такого не возникало», – рассказывал мне Арсен Ревазов.

он посмотрелся в детстве на публику в писательских домах творчества и иронически мне цитировал их реплики, яростно вопрошая: «Ты этого хочешь?!» А профессия врача – чистое дело: вот больной – вот врач, при любом режиме. Возможно, элемент эпатажа и присутствовал, но рационализировал он всё очень чётко, так что это был такой расчёт. Который оказался неверным – он ни одного дня после института не работал врачом, но всегда занимался писанием тех или иных текстов.

Рационализация действительно была очень чёткая:

...мне в 16 лет было очень интересно и клёво жить. Даже если немалая часть этой самой жизни проходила в очередях за туалетной бумагой, которую отпускали по 2 рулона в одни руки, я писал стихи, был влюблён, уклонялся от вступления в Комсомол, по ночам перепечатывал тамиздатовские сборники Бродского и отчаянно портил девок. Впереди маячили тюрьма и Афган (таков был в ту пору небогатый выбор недовольных режимом), так что я первый раз в жизни объяснил своей маме, что её планы на мою будущность (читай: мечты про филфак МГУ) придётся похерить: мне нужна специальность, по которой я мог бы трудиться и в армии, и в концентрационном лагере, и эта специальность – врач, а не филолог.⁵⁵

С аргументами Антона сложно спорить – его позиция была взвешенной и хорошо продуманной. Тем не менее – избежав и Афгана, и лагеря, – со временем филолог вытеснил врача.

Согласимся и с Викторией Валентиновной: пошлость выпренных разговоров второстепенных литераторов в домах творчества может отвратить и не такого тонкого человека. Но ведь у Антона были перед глазами примеры писателей отнюдь не второстепенных – те же упомянутые Пепперштейном Юз Алешковский и Эдуард Успенский. Не говоря уж о Пушкине, под которого Антон так удачно закосил в школе, Булгакове, которого он внимательно читал, или Бродском, которого усердно перепечатывал⁵⁶ со школьных лет.

Вспомним ещё раз приводимые разными людьми характеристики Антона: «лёгкость необыкновенная», «придумать идею, найти под неё инвестора, зажечь его, зажечь всех и побыстрому свалить»... Все, с кем бы я ни беседовал о Носике, разным образом высказывали одну мысль: Антон не терпел рутины, и когда очередной проект оказывался запущен, он бросал его и нёсся дальше. Повзрослев, он сам прекрасно про себя это понимал и тоже повторял постоянно. Возможно, классический «писательский» путь был невозможен в его случае как раз поэтому – Антон не смог бы писать один роман за другим, как Пелевин и Водолазкин.

Конспирологический роман «Операция “Кеннеди”» Носик и его друг Аркан Карив написали, по свидетельству их издателя Марка Галесника, за два месяца – и опыт столь длительного (по его меркам) погружения в литературу оказался единственным в творческой биографии Антона Носика.

Хотя позднее, в апреле 2003 года, во время расцвета русского ЖЖ, он попытался рекрутировать через него соавторов. Для чего, мысля системно, создал ЖЖ-шное комьюнити **soavtor** и написал в него манифест, в котором, в частности, провозглашал: «настоящая амбиция любого гуманитария – *написать книгу*»⁵⁷ – и предлагал использовать это комьюнити для поисков взаимодополняющих друг друга соавторов с разным «функционалом»: один придумывает идею, другой её воплощает, третий отделяет и т. д.

---

⁵⁵ <http://dolboeb.livejournal.com/2683584.html>.

⁵⁶ «Очень хорошо помню, что родительский “Континенталь”, на котором я в 1980 году перепечатывал “Часть речи” и “Конец прекрасной эпохи”, брал при известном усилии пять копий, а не 4, как “Эрика” у Галича...» (ЖЖ **dolboeb**, запись от 9 апреля 2015).

⁵⁷ <https://soavtor.livejournal.com/326.html>.

Антон искал соавтора и себе, обозначив завязку в посте с говорящим названием «Давайте напишем детектив» следующим образом:

В офисе небольшой турфирмы находят её директора, застреленного из охотничьего ружья. При прослушивании автоответчика обнаруживаются десятки звонков по объявлению про «золотые Азоры», и один звонок в два часа ночи с угрозами – от Антиспаммерской лиги.

Следователь Гоплин⁵⁸ начинает разбираться со спаммерскими рассылками, которые отправлял потерпевший. Выясняется, что турфирма бомбардировала население РУНЕТа своими предложениями отдыха на «золотых Азорах» не реже двух раз в неделю. Выясняется также, что по вине этой фирмы примерно 20 человек за последний год получили запрет на въезд в страны Шенгенской зоны сроком на 5 лет.

Итого, две версии: некая подпольная организация интернет-активистов «Антиспаммерская лига» (реально заявлявшая о себе обсуждениями на некоем форуме), либо пострадавшие от недобросовестного оформления виз.

Убийца, очевидно, кто-то третий.

Ваши предложения?⁵⁹

Позднее он даже проводил собеседования с «соискателями в литературные негры и мулаты» (в том числе – со мной). Но среди читателей носиковского ЖЖ тогда не нашлось потенциальных писателей, способных вдохновиться таким сюжетом, и дело не пошло, – а сам Антон писать, заниматься «тёмной нелюдимою барщиной в рудниках труда», как вычурно выразился мученик писательства Стефан Цвейг, – не собирался.

«Моцартианское начало» – это не только дар, но и ограничение. У самого Моцарта оно преодолевалось жесточайшей выучкой в детские годы, проведённые под рукой строгого отца. Но детство Антона прошло в иных условиях: ни Борис Носик, ни Илья Кабаков не смогли и не захотели быть Леопольдом Моцартом. А серьёзное творчество требует не только вдохновения, но и каменной усидчивости, и воловьей работоспособности.

Носик мог в молодости по 17 часов не вставать от компьютера и прикорнуть щекой на клавиатуре, уткнувшись кипой в монитор (что тоже стало частью его мифа), и годами выдавать «качественный продукт» *каждый день* – потому что ему было интересно. Но оказался неспособен день за днём кропотливо строить большое здание традиционного романа.

Более того: в августе 2008 года, уже находясь на «временном заслуженном отдыхе», располагая и временем, и местом, он объявил, находясь в любезной его сердцу Венеции, что наконец-то засядет за книгу:

К октябрю мне нужно сдать в издательство рукопись книги, написание которой никак уже больше нельзя откладывать... По счастью, в понедельник после заката на Венецию обрушилась совершенно кинематографическая гроза, с ливнем, громом и молниями в полнеба, очень располагающая к тихому домашнему сочинительству.⁶⁰

Правда, как уточняет он в комментариях к этому посту, речь идёт не о художественной, а о деловой литературе: «про подъёмные деньги». Но зато «пока в издательском плане их три стоит». Но увы – не было написано ни одной. Возможно, Антон действительно думал в тот момент какое-то время о писательстве как о следующем жизненном этапе, но, вернувшись в

---

⁵⁸ Обратим внимание на очередную игровую фамилию, намекающую на Гоблина, то есть мастера травестийного перевода Дмитрия Пучкова, который действительно ушёл в 1998 году с должности старшего оперуполномоченного уголовного розыска.

⁵⁹ <https://dolboeb.livejournal.com/296327.html>.

⁶⁰ <https://dolboeb.livejournal.com/2556644.html>.

Москву, снова с головой ушёл в построение сразу двух новых – и не просто «новых», а новаторских, – интернет-проектов, и до традиционной книги у него руки так и не дошли.

Вторая попытка засесть за книгу, на сей раз о стартапах – по мотивам проводимых семинаров, была предпринята в октябре 2013 года. «Благо, – сообщил сам Антон, – договор уже подписан, и даже аванс перечислен». ⁶¹ Но и на сей раз неожиданный форс-мажор – разгон «Lenta.Ru» и бурный запуск целого куста новых проектов – смешал литературные планы.

При этом, парадоксальным образом, Антон успел подержать в руках книгу со своим именем и фотографией на обложке: в феврале 2017 года он с изумлением узнал, что является «автором» 200-страничной книги, выпущенной под его именем в издательстве «Алгоритм» и снабжённой броским названием «Изгои. За что нас не любит режим». Книга, по обыкновению этого издательства, была просто надёргана из ЖЖ **dolboeb** – в основном по тегу «282», не преминул уточнить сам Носик. ⁶² Он был возмущён таким откровенным пиратством и собирался судиться – но уже не успел.

«Антон Носик написал больше 50 000 страниц, но ни одной полной книги ⁶³ после него не осталось» ⁶⁴, – с грустью констатировал в первые же трагические дни июля 2017 года лучше всех его знавший Демьян Кудрявцев.

Как же так получилось?

Рискнём прислушаться к парадоксальному суждению Константина Крылова – философа, политолога, патентованного русского националиста, зороастрийца, автора стихов, сочиняемых от имени «Юдика Шермана», и огромных фантастических романов, в которых сознательно и методично нарушаются все мыслимые табу.

Ещё в 2006 году Крылов опубликовал памфлет о «талантливых и способных», в котором резко очертил невидимую, но труднопроницаемую границу между «талантливыми московскими семьями», члены которых всегда оказываются пристроены, вне зависимости от действительных личных талантов конкретного представителя, и способными выскочками, которых терпят как раз за эти способности – то есть, парадоксальным образом, за таланты в обычном смысле слова.

Естественно, беседуя в ноябре 2017 года с Крыловым о Носике, – кстати, его «коллегой» по 282 статье и по упоминанию в текстах Пелевина ⁶⁵ – я не мог не спросить его о «талантах» и «способностях» Носика.

По-моему, у Честертона было такое замечание: «Даже среди аристократии иногда рождаются гении. В золочёном чертоге царей родился Ганнибал Барка», – отвечал мне Крылов. – Сильное, конечно, сравнение, но где-то близко. Т. е. да, в золочёном чертоге родился не просто человек талантливый по рождению, не просто советский аристократ высшей пробы, а ещё и человек с личными качествами, которые в общем, умножив изначально всё это, дали то, что мы видели.

---

⁶¹ <https://dolboeb.livejournal.com/2577070.html>.

⁶² <https://dolboeb.livejournal.com/3117966.html>.

⁶³ Первая полноценная книга Антона – внушительный сборник «Лытдыбр», составленный Еленой Калло и Викторией Мочаловой из его дневниковых записей, публицистики и прозы, – увидела свет уже после смерти автора. Оказавшиеся в одном пространстве книги, разбитые по темам (детство, семья, Израиль, рождение русского интернета, Венеция, протесты и политика, благотворительность, русские медиа), десятки и сотни разрозненных текстов Носика превращаются в своего рода автобиографию и настоящий *opus magnum*.

⁶⁴ <https://meduza.io/feature/2017/07/09/razve-mozhet-umeret-dolboeb-kotoryy-uspevaet-vezde-i-srazu>. Иностранное СМИ, выполняющее функции иноагента.

⁶⁵ В рассказе «Некромент» и в романе «Искусство лёгких касаний» под именем Константин Голгофский. Фамилия явно намекает на Галковского, но данное в рассказе описание «симпатичный рыжебородый хоббит в монгольской рубахе навыпуск» всё-таки относится к коренастому и действительно рыжебородому Крылову.

Я бы даже сказал следующее. Может быть, личная талантливость Носика ему в чём-то помешала. В принципе, имея то, что он имел с рождения, можно было пойти по совершенно стандартному пути. Ну, например, получить учёные степени, потом должность в администрации, сейчас был бы он гендиректором какого-нибудь крупного холдинга. Скорее всего, у него было бы больше денег, меньше хлопот. Разумеется, ему пришлось бы вести себя иначе. Никакой кипы, никаких вязаных свитеров, в которых он любил щеголять. Он должен был бы соответствовать статусу. Реально у него было бы гораздо больше денег.

В сущности, богатство Носика было такое несерьёзное, виртуальное. Т. е. у него деньги находились, но по нему было видно, что это не человек, который сидит на горшке с золотом. Этого никогда не было. Он всегда хватал какой-то кусок, его быстро очень дербанил, проедал и пускал на ветер. И дальше снова хватал какой-то кусок. Солидные люди так не живут. Солидный человек совершает обдуманное действие, получает кусок денег, размещает их правильным образом, ну и, естественно, живёт до 80 лет. У него была такая возможность. Его личные качества, его талант ему помешал пойти по этому пути.

– *Талант в обычном смысле слова?*

Да, в самом обычном. Можно сказать, что он при этом очень *способный*. Реально, это людям очень мешает. Носик не подчинялся. У него были свои личные взгляды. Он не всегда совпадал с линией российского и мирового обкома. Например, что, собственно говоря, что его сподвигло писать телеги про то, как он хочет убивать каких-то там сирийских детей? Ну ничего. Он прекрасно знал, что такие вещи писать не надо. Он все эти правила знал лучше нас. Но он считал: «Плевать, мне можно». Потому что я – это я. Вот это отсутствие смирения перед волей высших сил в Носике было самым обаятельным. И самым опасным для него лично. Иначе мы бы имели дело с обычным мультимиллионером. Который, имея несколько сот миллионов, тихо бы жил во Флориде, приезжая сюда на месяц, ещё что-нибудь такое делал. Но это не был бы Носик. Это был бы очередной скучный делец. У него всё было для того, чтобы эту позицию занять. Он её не занял. И этим он у меня лично вызывает уважение и даже отчасти восхищение.

Это был человек, у которого – несмотря на то, что он родился с золотой ложкой во рту, – было чувство, что он сам чего-то стоит.

Жёсткое деление на «талантливых» и «способных» можно было бы отнести на счёт особой крыловской картины мира. Но сам Носик в начале 2012 года, уже став звездой Рунета и влиятельнейшим интеллектуалом, практически напрямую подтвердил такое деление в большом посте, посвящённом разгулу околосрепетовских «молодёжных движений» и социальным лифтам в сфере медиа. Первейшими лифтовыми он объявлял как раз выходцев из «талантливых семей» – Артемия Лебедева и Илью Осколкова-Ценципера:

У нас никто никогда не смотрел на людей из провинции как на человеческий материал второго сорта. Ровно наоборот: все мы знали, что у людей из глубинки потенциал гораздо больше, чем у избалованных детей из интеллигентских столичных семей, которым с детства так много было дадено, что по драйву и пассионарности они никогда не сравнятся с теми, кто приехал покорять недружелюбную, заносчивую Москву своими талантами и

усердием... И мы стремились любыми способами этот самый потенциал в них развивать.⁶⁶

Но жизненный путь Антона Носика сложился иначе, чем у талантливого художника и расчётливого бизнесмена от дизайна Артемия Лебедева и уж тем более звезды урбанизма Ценципера. Экстраполировав мысль Крылова, можно сказать, что, подобно тому, как личные таланты помешали Антону пройти обычный путь «выходца из талантливой семьи» к околокультурной кормушке или в приятный бизнес (например, ресторанный, очень актуальный среди «талантливой молодёжи» его поколения, или импорт медтехники, актуальный для его однокашников), – точно так же они не дали ему стать «нормальным» писателем/художником.

Вспомним ещё раз слова шестилетнего мальчика Антона: «Нет уж, сначала я построю свой дом, а потом посмотрю, как другие строят».

Именно это желание построить свой дом, а не обустраивать родительский, привело его сначала в 3-й Мед, а потом ещё дальше – в Израиль.

---

⁶⁶ <https://dolboeb.livejournal.com/2286582.html>.

А.Б.Носик и еврейская эмиграция 1990–1991

В отличие от отца – русского советского писателя еврейского происхождения, в отличие от мамы, подчёркивавшей, что она жила в виртуальном штетле, в отличие от отчима, легко вписавшегося в международную арт-сцену, Носик одновременно был настоящим русским интеллигентом и настоящим сионистом. Причём и то, и другое сразу бросалось в глаза – потому что и тем, и другим он был без оглядки.

Первое выражалось не только в его блестящем владении языком (включая, разумеется, и виртуозную матерщину), огромной начитанности, знании русской истории, любви к родной Москве, куда он отовсюду непременно возвращался – из Иерусалима, Ниццы, Гоа... Второе – не только в знании истории Израиля⁶⁷ и эпатажных внешних вещах: неизменно прикрытая по иудейскому закону голова, в диапазоне от повседневной однотонной кипы до весёлой растаманской ермолки на рок-концертах и огромной белой пилотки а-ля Джавахарлал Неру, аватарка с карикатурным жидомасоном в ЖЖ и вообще постоянные ёрнические, гипертрофированно-антисемитские шутки, вплоть до частого приветствия сотрудников: «Хайль Гитлер, товарищи фашисты!». Как известно, только открытые геи могут называть друг друга «пидарасами», и только убеждённые сионисты имеют право перебрасываться такими шутками.

Гораздо важнее была последовательная произраильская позиция во всех выступлениях и во всех СМИ, им создаваемых. Так, в «Lenta.Ru» с самого начала существовал единственный открыто обозначенный запрет для пишущих редакторов: нельзя писать о ближневосточной повестке по официальным российским источникам, будь то ИТАР-ТАСС или РИА. Новости надо было переводить из западных СМИ, а ещё лучше – из англоязычных версий израильских СМИ. За регулярное нарушение этого правила (или, хуже, искреннее непонимание: «а чё такого»?) при Носике из «Ленты» увольняли.

Откуда же растут корни этого?

Семья Антона не была религиозной. Никто в его окружении не носил кипы, не соблюдал шаббат и кашрут (да в советских условиях это было и практически невозможно – советские «соблюдающие» де-факто становились вегетарианцами).

Но Антон Носик с детства впитал более важную, может быть, вещь, чем соблюдение шаббата: ощущение своей принадлежности к еврейству как к элите.

Это кажется оксюмороном: даже люди, далёкие от еврейства, слышали про губительный «пятый пункт», про «дело врачей» и тянущиеся дальше в прошлое погромы и черту осёдлости, уж не говоря про тупой бытовой антисемитизм, с которым хоть раз сталкивался каждый еврей и в СССР, и позже.

Но в той страте, к которой принадлежал Носик, дело обстояло так – и не так.

Злоязыкий и пронизательный Виктор Топоров писал про Максима Кантора, дававшего маленькому Антону уроки бокса: «Максим Кантор (род. в 1957 г.) происходит из патрицианской еврейской семьи, имеющей аргентинские корни. Его отец Карл Кантор и его старший брат

---

⁶⁷ Вот ещё одно воспоминание Германа Зеленина из фейсбука: «В нашем институте на кафедре, не имевшей никакого отношения к медицине (между собой мы называли её “научный онанизм”), на первом занятии преподавательница что-то спросила у Антона. Услышав его ответ, она сначала застыла в ошеломлении, а потом так иронически говорит: “Интересное замечание... Вы, юноша, видимо, интересуетесь политикой. Так вот, сделаете на следующем занятии политинформацию”. Она думала так наказать слишком смелого студента... Ха! Начав с какой-то вчерашней “новости” советских СМИ об “израильской армии”, он кратко изложил историю Ближнего Востока. Вся наша группа слушала с огромным интересом. Интересно было и наблюдать выражение лица преподавательницы. После она Антошу никогда больше ни о чём не спрашивала...» (<https://clck.ru/DgXsz>)

Владимир Кантор – известные философы, его дед-коммунист был испаноязычным драматургом».⁶⁸

Переводчик Топоров подбирает точный эпитет: не зоотехнический «элитная», не смехотворный в наших условиях «аристократическая», а именно «патрицианская» семья по фамилии Кантор. И такое интеллектуальное «еврейское патрицианство» было свойственно в той или иной степени всем, с кем Антон общался.

Павел Пепперштейн рассказывал об этом так:

...мы чувствовали себя евреями с детства. Когда я пришёл в 16 лет получать паспорт советский, я заявил, что хочу быть записан евреем. Думаю, так же поступил и Антон. Мой папа был записан по документам русским (он наполовину русский). Наш с Антоном национальный состав абсолютно совпадает: мы с ним на $\frac{3}{4}$ евреи, на $\frac{1}{4}$ русские. Моё решение так всполошило сотрудников милиции, что они даже заставили меня написать бумажку, что я по собственной инициативе выбираю себе этот пятый пункт, что на меня не оказывалось никакого давления...

Но мне очень хотелось. Тем более – рано убедившись в том, что евреи – это одна из зон возбуждения коллективного сознания. Тема антисемитизма нас совершенно не угнетала, наоборот, казалось, что это какое-то равнодушие, людей волнует эта тема. И мы считали, что нам очень повезло, что мы оказались евреями, что можно эту тему обмусоливать. И все подразделяются на евреев, юдофилов и юдофобов. На три категории.

– И часто это и юдофил, и юдофоб в одном лице, как у Розанова.

Действительно, русская юдофобия очень переплетена с юдофилией, и от любви до ненависти и наоборот – один шаг, и этим русский антисемитизм отличается от европейского. Если в Европе человек антисемит, он не будет об этом особенно говорить, но он реально антисемит. А русский антисемит любит, во-первых, поговорить об этом, во-вторых, он очень любит об этом поговорить именно с евреями. В-третьих, он очень нестойк в антисемитизме – и охотно переходит в обратную позицию, что очень обаятельно. Поэтому нам эта тема, конечно же, нравилась.

Здесь самое время напомнить, что Пепперштейн – это не фамилия, а полностью выдуманный псевдоним Павла Викторовича Пивоварова. Не скрывающий еврейское происхождение, как у Вениамина Каверина или Григория Горина, а наоборот, всячески выпячивающий. Почти как у Абрама Терца. «Почти» – потому что Андрей Синявский евреем не был и на четверть, и его издевательский псевдоним – это как раз в чистом виде проявление амбивалентного русского юдофильства. Не стеснялся выпячивать и Антон:

Я видел его [Антон] только один раз, в доме творчества в Малеевке, – вспоминает переводчик, ровесник Бориса Носика Е.М.Солонович. – Он был старшим школьником или младшим студентом. Меня поразило, что он пришёл в столовую с огромным могомодовидом, прямо поверх рубашки. Тогда так не было принято. И в доме творчества бывали разные писатели. В том числе весьма почвеннические.

Людмила Печерская вспоминает, как поразила её самопрезентация 15-летнего Антона:

[Перейдя в 9-й класс в новую школу,] он увидел свою одноклассницу Оксану, в первый или во второй раз, и сказал: «А ты знаешь, кто я?» Она:

---

⁶⁸ <http://www.online812.ru/2012/07/03/010>.

«Кто?» И он показал на портрет Маркса. Она говорит: «И что?» – «Я тоже». – «Что тоже?» – «Я тоже еврей». Жаркова была потрясена: она удивилась, что он делает на этом акцент.

Удивление советских школьников понятно: попытаться завоевать расположение одноклассницы подчёркиванием своего еврейства – для этого нужно быть очень уверенным в том, что это твоя сильная сторона!⁶⁹

Но еврейский акцент не был при этом религиозным. Когда я пересказал Пепперштейну эпизод, рассказанный Солоновичем, тот только пожал плечами: эпатаж!

...сейчас можно сказать, что мы были панками. В частности, в сфере селф-дизайна. Могли надеть и могендовиды, и кресты, и полумесяцы, и другие аксессуары в диком сочетании друг с другом, так что на наших телах могло быть всё что угодно.

Магарик тоже подтверждает, что в его группе и в его среде интерес к ивриту не был религиозным:

– Ты говоришь, что у учеников была сильная мотивация. Эта мотивация была религиозной? Читать священные книги...

Нет. Для этого были другие учителя – Илья Эссас⁷⁰, его проект. Мы были абсолютно светскими учителями. Другое дело, что я, каюсь, в конце своего курса иногда, не всех, конечно, но некоторых своих учеников отправлял, видя, что они готовы морально, к тому же Илье Эссасу учить Тору и Гемару и т. д. За это я себя корю. Это была ошибка. Потому что я тем самым плодил в Израиле всё это сообщество религиозных евреев, которые вернулись в религию, надели кипу, у них и дети такие же. Большинство живёт в Маале-Адумим, у них определённая идеология, безусловно, мне не близкая. [Есть] люди, которые считали, что практикование еврейского образа жизни и соблюдение заповедей и всего прочего – неизбежное условие изучения иврита и этого раннего сионизма. А у нас это было связано скорее со светской частью израильского общества.

Проявлением такого же «эпатажного селф-дизайна» соблазнительно объяснить и интерес 15-летнего подростка к светскому ивриту: все зубрят эй-би-си-ди, а для меня это – семечки, и я буду зубрить алеф-бет-гимель! Это круто, как и подобает патрициям.

---

⁶⁹ «В нашем тогдашнем фрондирующем и жидовствующем кругу, где даже русские ребята тянулись к еврейству, было модно в порядке эпатажа выставить себя “половым антисемитом”. “Гойки – для койки, жидовки – для тусовки” – был девиз нашей компании. Пусть простят меня все мои русские друзья. Пусть простят меня все русские вообще. Я был тогда очень молод и очень глуп», – признание из романа Носика и Карива «Операция “Кеннеди”».

⁷⁰ Отказник, впоследствии, уже в Израиле, – раввин, создатель сайта <http://evrey.com>.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.